

Пространственно-временная модель исследования социального самочувствия

Аннотация

В статье предложен концептуальный подход к исследованию социального самочувствия людей посредством изучения их субъективного пространства и времени.

Построение теоретической модели исследования осуществляется на основе таких механизмов, как социальная депривация, социальное сравнение. Значительное внимание автор уделяет причинам и следствиям межличностных и темпоральных социальных сравнений, демонстрируя актуальность исследования влияния таких механизмов на социальное самочувствие людей в обществе, а также акцентируя важность понимания не только объективных, но и субъективных стандартов качества жизни.

Предложенный подход к исследованию социального самочувствия в координатах субъективного пространства и времени призван расширить знания об этом сложном социальном феномене, выявить стандарты, влияющие на степень удовлетворенности своей жизнью и своим социальным положением в обществе.

Ключевые слова: социальное самочувствие, социальная депривация, социальное сравнение, стереотипы восприятия, субъективное пространство, субъективное время

Ощущение социальной депривации людей в обществе, неудовлетворенности их социальных потребностей непосредственно связано с механизмами *социального сравнения*, ведь причиной того, что люди ощущают себя ограниченными в доступе к разным общественным благам, является преимущественно сравнение себя с другими членами референтной группы. Такие процессы в человеческом сознании на уровне интуиции происходят постоянно, а механизм социального сравнения заложен в самой природе человека, как биологической, так и социальной. С раннего детства и в течение всего процесса социализации человек принимает решения о том, что ему

нравится, а что нет, какие модели поведения для него приемлемы, а какие не отвечают внутренним потребностям, и т.п. Такие постоянные процессы сравнения касаются и социальной сферы жизни, влияют на эмоциональное состояние и активность людей. Поэтому социальное сравнение является неотъемлемым элементом повседневной жизни и поведения человека.

Люди привыкли сравнивать свое положение не с декларативными заявлениями власти, не со статистическими показателями, которыми часто манипулируют, а с реальной ситуацией, которую оценивают с позиции потребителя жизненно необходимых благ. Проявление влияния этого социально-психологического механизма, особенно в условиях неравного доступа к материальным и нематериальным благам и нестабильности в обществе, следует учитывать при разработке теоретической модели исследования социального самочувствия людей. Чтобы глубже понять то, как чувствуют себя люди в обществе, нужно обратиться к их субъективному опыту, к субъективным оценкам собственного состояния в данное время, в прошлом и в ожидаемом будущем, а также к субъективному восприятию себя в сопоставлении с другими.

Итак, под социальным сравнением будем понимать сопоставление людьми условий своей жизни, форм и видов деятельности, настроений и эмоций с аналогичными в собственном прошлом и ожидаемом будущем, а также с соответствующими характеристиками повседневной жизни других людей.

Явление социального сравнения всегда было предметом интереса социологов, ведь на этом основании можно объяснить множество происходящих в обществе процессов. Социальное сравнение при построении своих концепций использовали, к примеру, Г.Спенсер, М.Вебер, П.Сорокин, Р.Мертон, Э.Дюркгейм, Дж.Мид, В.Самнер, Р.Бенедикт и многие другие социологи. В рамках социальной психологии известна, в частности, теория когнитивного диссонанса Л.Фестингера, в основу которой положен механизм социального сравнения (особенно это касается потребности в оценке самого себя и в сравнении с другими). Непосредственно о последствиях такого сопоставления для субъективного благополучия говорят ученые из лаборатории Э.Диннера, а также Р.Винховен, Р.Истерлин, Ф.Хаперт и др.

Когда речь идет о социальном сравнении, по большей части рассматриваются отношения “человек — человек” или, например, “человек — социальная группа”. Таким образом, ощущение депривации может возникать как у отдельных индивидов, так и у социальных групп.

Но существуют и другие уровни социального сравнения. В частности, можно говорить о социальном сравнении, которое происходит в определенном временном пространстве (темпоральное). Люди сравнивают себя настоящего и нынешнее свое социальное положение с собой прежним и своими возможностями в прошлом. Такие сравнения обычно преобладают в молодом возрасте и у людей старшего поколения. В первом случае индивиду “выгоднее” сравнивать этапы своего собственного жизненного пути, нежели сопоставлять себя с более опытными членами группы. Старшие люди скорее будут вспоминать свои прошлые достижения, а не сравнивать свои возможности с потенциалом более молодых людей [Якимова, 2009: с. 118].

Особое значение при объяснении субъективного благополучия играет сравнение реального и желаемого для индивида, то есть жизни как она есть с жизнью, какой она должна быть. Примером негативного влияния на подобное соотношение служит реклама, навязывающая искаженное восприятие

мира и формирующая в сознании людей недостижимые стереотипы. Таким образом увеличивается разрыв между реальными и желаемыми потребностями, что ухудшает социальное самочувствие людей. Кроме того, объектами социального сравнения могут быть сферы жизни человека и его образ жизни как в пределах одной страны, так и вне ее пределов, а также различные социальные процессы, факты, явления.

Социальное сравнение может происходить как “снизу–вверх”, то есть собственный низкий социальный статус или доход сопоставляются с ситуацией высокостатусного, материально обеспеченного индивида, что, разумеется, еще больше ухудшает социальное самочувствие. Но очень часто люди выбирают объектом сравнения тех, кто находится в худшем положении (социальное сравнение “сверху–вниз”), и тем самым повышают свою самооценку. Хотя для более оптимистичных, счастливых, позитивно настроенных людей сравнение “снизу–вверх” может также служить своеобразным стимулом для развития [Аргайл, 2003: с. 61–62]. Из сказанного выше становится понятно, насколько важно правильно выбирать социальные параметры для сравнения. Несмотря на то, что такой процесс обычно происходит неосознанно, необходимо учиться им управлять, нивелировать влияние тех объектов, сравнение с которыми “парализует” дальнейшую деятельность человека, снижает его удовлетворенность своей жизнью и собственным местом в обществе.

Впрочем, один из известных исследователей субъективного благополучия Р. Винховен считает, что не следует чрезмерно акцентировать роль социального сравнения как фактора удовлетворенности жизнью. В частности, он подчеркивает, что социальное сравнение — это лишь один из видов информации, которую мы получаем из внешней среды, поэтому оно не может в полной мере определять и критически изменять социальное самочувствие человека. Помимо этого, человек имеет собственные потребности, цели, ценности и т.п., поэтому зависимость от социальных стандартов не является столь очевидной и всеобъемлющей [Veenhoven, 2008].

Подобные замечания вполне справедливы, однако, по моему мнению, больше касаются стабильных обществ. В периоды резких трансформаций большинства социальных институтов, в периоды постоянных кризисов — как экономических, так и политических, а также при наличии в обществе осязаемого социального неравенства люди постоянно прибегают и к межличностным, и к темпоральным сравнениям. Факторов подобных сравнений, особенно психологических причин, много, но одним из самых очевидных является поиск своего места в нестабильной социальной системе. И каким бы ни было это сравнение (себя сейчас и себя в прошлом, своего материального положения с благосостоянием своего успешного соседа и т.п.), осознанно или неосознанно индивид его осуществляет для того, чтобы тем или иным образом адаптироваться к социальной среде, комфортно чувствовать себя в ее границах.

К сожалению, последствия такого сравнения нередко негативно влияют на самочувствие людей. Например, обращение к прошлому порождает у многих жителей Украины ностальгию по прошлому. Для социального самочувствия людей, их удовлетворенности своей нынешней жизнью имеет значение не то, каким объективно было это прошлое, и даже не то, как его тогда оценивали люди, а то, каким оно представляется теперь, учитывая весь субъективный жизненный опыт индивида. В этом контексте представляется точ-

ным определением понятия социальной ностальгии как *post factum* мифа об общественном порядке, социальных отношениях, образе жизни, идеалах, ценностях, свойственных сконструированному в воображении прошлому [Зборовский, 2001: с. 32]. Однако мифологизация общественного сознания¹ не только формирует образ далекого прошлого (представления о жизни людей в Советском Союзе, жизни собственных родителей и т.п.) и значимых для общества относительно недавних событий (“оранжевая революция”, кризис 2008 года и др.), но и направляет свой вектор в настоящее и будущее. Например, существование таких мифов, как миф “вождизма” (придет к власти мессия, который сразу же разрешит все проблемы), миф “неполноценности” (характерные высказывания типа: “такова наша судьба”, “хорошо там, где нас нет”), мифы “непобедимости системы” и “бюрократизма” (последствиями их являются страх перед чиновниками любого ранга, неприятие при одновременном одобрении коррупции, слепая вера в силу бумаг и протекционизма и т.п.), — все это ощутимо вредит не только самоощущению украинцев, но и будущему общественному развитию Украины как государства. Социальные мифы, будучи конструктом реального и воображаемого, творческим творением объективного и субъективного мира, являются важными, хоть и неосознаваемыми предикторами того, как люди привычно оценивают себя и свою жизнь.

Упомянув о социальной ностальгии как одном из возможных последствий темпорального сравнения и одной из возможных причин снижения показателей социального самочувствия украинцев, нужно привести как пример и своего рода массовое чувство, возникающее в результате межличностных социальных сравнений, то есть не по временному вектору, а в пространственной плоскости. Так, сравнение себя, своих достижений и возможностей с достижениями и возможностями других людей нередко трансформируется в чувство социальной зависти. Оно лежит в основе ощущения социальной несправедливости, неудовлетворенности жизнью и является следствием не столько абсолютной, сколько относительной депривированности касательно социальных благ.

Эти фрагментарные примеры демонстрируют актуальность исследования влияния механизмов сравнения на социальное самочувствие, поскольку найти объективные стандарты того, что такое хорошее и что такое плохое социальное самочувствие, какие факторы являются определяющими для его формирования, довольно трудно. Трудно понять самочувствие других людей и объяснить их действия, поведение, пока мы не узнаем, что они думают, как ощущают этот мир. Для того, чтобы “дать справедливую оценку, мы должны оценить не только известную им информацию, но и сознание, через которое они ее отфильтровали, ведь имеющиеся типы, принятые образцы (*patterns*), стандартные варианты интерпретации перехватывают информацию на ее пути к сознанию” [Ослон, 2006: с. 130].

Таким образом, понимание внутренних стандартов позволяет сформировать более выразительную картину этого сложного социально-психологического феномена, каковым является социальное самочувствие. Такие

¹ Подробнее о мифологическом сознании украинского общества см.: [Соболева, 2002: с. 102–123].

стандарты закладываются собственно в субъективном пространстве и времени человека. Говоря о существовании определенных внутренних стандартов, относительно которых осуществляются такие сравнения, я имею в виду и характерную для субъекта систему ценностей, и существующие стереотипы в оценке людей, их жизни, поведения, социального статуса и т.п. То есть объектом сравнения является не реальный социальный статус других, а наше представление о нем, не их реальное социальное самочувствие, а то, каким мы представляем его в зависимости от имеющейся информации о жизни этих людей, от нашего субъективного, ограниченного, неполного знания о них, то есть от присущих нам стереотипов восприятия социальной реальности. Внутренние стереотипы формируются под влиянием, с одной стороны, определенных индивидуальных особенностей (характера, темперамента и т.п.), жизненного опыта, а с другой — принятых в обществе стандартов, сконструированных в течение определенного времени и зависимых от типа культуры, системы ценностей, норм поведения, потребностей, присущих обществу, а также искусственно насаждаемых разнообразными социальными институтами моделей восприятия мира.

Стереотип восприятия представляет собой сформированное в определенной социальной группе обобщенное и упрощенное представление о нормах, ценностях и правилах поведения представителей своей или внешней социальной группы. Если это касается собственной группы, то такие стереотипы называют автостереотипами, если же речь идет об образе внешней группы, то это гетеростереотип.

Впервые понятие “стереотип” ввел В.Липман, который детально рассмотрел особенности формирования и функционирования данного феномена и изложил свои размышления в книге “Общественное мнение” (1922). В свое время Липман пришел к выводу, что, воспринимая мир, человек не может “объять необъятное”, поэтому и воспринимает лишь то, по поводу чего у него уже выработались определенные представления, стереотипы, возникающие в процессе социализации человека, усвоения им как собственного опыта, так и опыта других людей. Ведь наше ощущение и понимание мира формируется на основе того, как нас сызмальства научили его видеть. Затем мы вносим свои поправки, обусловленные не только тем, что мир меняется, но и тем, что между людьми происходит обмен опытом восприятия и интерпретации этого мира. Так происходят распространение, укоренение и синхронизация стереотипов, за счет чего они приобретают характер очевидности, несомненности [Ослон, 2006: с. 126].

Стереотипы редко ограничиваются представлениями о другой группе, чаще всего они включают и ее оценку, таким образом создавая позитивное или негативное отношение к членам этой группы. Эти сформированные на основе когнитивных и эмоциональных оценок стереотипизированные знания о представителях своих и других социальных групп служат “отправной точкой”, от которой отталкиваются люди, оценивая качество собственной жизни и той социальной среды, с которой непосредственно взаимодействуют либо представлению о которой придают важное значение для самоидентификации, самопознания, самоощущения координатах социального пространства.

Ожидание определенных позитивных сдвигов в жизни обычно подкрепляется избирательным восприятием тех событий и фактов из жизни,

которые поддерживают такие экспектации, а ориентации на негативные изменения нередко ведут к восприятию преимущественно тех фрагментов, которые отвечают этим ориентациям. А “если система стереотипов оказывается жесткой, мы обращаем внимание на факты, которые ее поддерживают, и не замечаем фактов, которые ей противоречат” [Ослон, 2006: с. 137]. И чем более жесткой оказывается такая система, чем более стереотипизированным является мировосприятие людей, тем более сильным будет его влияние на их самочувствие. К примеру, наличие большого количества телепередач о богатых людях, телешоу с их участием подкрепляют стереотип о них как о счастливых, удовлетворенных жизнью, что в условиях бедности значительной части населения лишней раз усиливает у них ощущение депривированности, подчеркивает наличие разрыва между возможностями не только пользоваться разнообразными общественными благами, но и получать удовлетворение от обладания ими, да и от жизни в целом. К тому же, поскольку каждая из этих групп (богатые и бедные) по-своему видит и оценивает то или иное событие и стремится дать собственное объяснение увиденного, им трудно найти общий язык и доверять друг другу. Каждая из них живет в своей собственной реальности. Это также усиливает ощущение дистанции между разными группами людей; в определенной мере именно поэтому социальное неравенство закрепляется и укореняется в обществе.

Попытки обнаружить существующие стереотипы восприятия, отследить их влияние на социальное самочувствие людей могут не просто расширить имеющиеся знания об этом феномене, но и стать дополнительным источником информации о межгрупповых отношениях, социальных настроениях, уровне доверия в обществе, сигналом о наличии и потенциале разрывания социальных конфликтов и т.п.

Ощутимее всего стереотипы проявляются на уровне взаимоотношений “человек — человек” и “человек — социальная группа”. То есть подобные сравнения осуществляются в координатах социального пространства. Как уже говорилось ранее, объектом сравнения может быть как отдельный индивид, так и социальная группа. Однако и в случае межличностного сравнения, когда объектом для сравнения является конкретный человек, его все равно оценивают, основываясь на сконструированных, субъективных представлениях о нем как о представителе той или иной группы.

Значительное влияние на механизмы социальной идентификации оказывают так называемые референтные группы — реальные (или воображаемые) сообщества, с которыми человек сравнивает себя, к которым себя относит и на нормы и ценности которых ориентируется в своем поведении и самооценках. Это и служит источником норм поведения, социальных установок и ценностных ориентаций человека, эталоном, по которому индивид оценивает себя и других. Речь не обязательно идет о группах, к которым принадлежит человек, то есть ингруппах (например, “моя семья”, “моя компания”, “моя профессиональная группа” и т.п.). Иногда референтная группа и ингруппа могут совпадать, например, когда подросток ориентируется на стандарты, принятые в его компании, и, соответственно, сравнивает свои результаты с достижениями таких, как он.

В то же время и аутгруппа может быть референтной. Яркой иллюстрацией сравнения собственного социального положения с возможностями и достижениями представителей аутгруппы является ситуация снятия информа-

ционной блокады касательно уровня жизни в других странах, что происходило, например, в период обретения независимости Украины. Осознание разрыва стандартов качества жизни в украинском и западноевропейских обществах, рост значимости таких сравнений на фоне открытости границ, провозглашения курса ориентации на западноевропейские ценности, распространения через СМИ информации о стиле жизни различных групп людей в более экономически развитых обществах, — все это, согласно теории относительной депривации, угрожает обществу снижением показателей социального самочувствия в результате образования завышенных ожиданий.

Выбор “точек сравнения” является одной из самых важных и одновременно довольно сложной задачей при исследовании социального самочувствия людей посредством изучения их взаимодействия в социальном пространстве, восприятия ими других и, соответственно, себя в сравнении с другими в пределах того социального пространства, где следует искать те или иные основания для формирования эмоционально-оценочного отношения индивидов к собственной жизни.

Во-первых, необходимо уточнить, с кем внутри общества люди чаще всего сравнивают себя и в какой мере это сопоставление сказывается на их социальном самочувствии. Сложность выбора объектов сравнения связана с тем, что социальное пространство необычайно многомерно. Наиболее общими критериями для дифференциации социального пространства с целью изучения его влияния на социальное самочувствие людей в обществе являются социально-демографические, профессиональные и территориальные характеристики объектов сравнения, в частности такие, как возраст, пол, образование, материальное благополучие, доступ к властным ресурсам, социальный статус, тип занятости, место проживания. При этом субъекты сравнения могут либо принадлежать к сопоставимой группе (например, в случае сравнения себя с людьми своего возраста, уровня образования и т.п.), либо не принадлежать к таковой (например, когда такие сравнения осуществляются в отношении людей, обладающих большими материальными или властными ресурсами).

Во-вторых, поскольку социальное пространство личности не ограничивается ее непосредственными контактами с представителями тех или иных социальных групп, а расширяется благодаря информационному потоку об уровне жизни как в пределах всей страны, так и за ее пределами, то выяснение оценки удовлетворенности человека его жизнью и положением в обществе по сравнению с соотечественниками и гражданами других стран также должно углубить наши знания о факторах, определяющих социальное самочувствие граждан Украины. Социальное самочувствие следует рассматривать как один из основных показателей эффективности властей, поскольку согласно положениям теории относительной депривации люди, в конечном счете, страдают не только от завышенных ожиданий, но и от ощущения того, что они отстали от среднего по стране (“нормального”) уровня потребления. Поэтому важно исследовать, насколько более или менее удовлетворенным чувствует себя человек по сравнению со среднестатистическим украинцем, то есть его субъективным представлением о том, как в среднем чувствуют себя граждане Украины.

Попыткой определить влияние социального сравнения на самочувствие людей, а конкретнее — на уровень психологического стресса (или диском-

форта), который они испытывают, было исследование “Социальная напряженность в возрастных группах: разрыв между притязаниями и возможностями”, проведенное в конце 2005 — в начале 2006 года в Украине ($N = 1200$), Польше, Венгрии и Грузии [Погорелая, 2007: с. 151–166]. Подтвердилось, что в целом уровень самочувствия тесно коррелирует с экономическим развитием этих государств. Рассмотрев эти страны отдельно, исследователи пришли к выводу о том, что психологическое состояние населения объясняется не только фактическими успехами или неудачами реформ, но и тем, на какие стандарты ориентируются люди в оценке своего социального положения. Выбор “точки сравнения” оказался более значимым для психологического благополучия в тех обществах, где реформы были менее успешными. На примере Украины и Грузии было доказано, что не только низкие материальные доходы, но и ощущение отставания от своей референтной группы приводит к сильному стрессу [Погорелая, 2007: с. 163]. Самый сильный стресс переживают не те, кто сравнивает себя с высокопрестижными референтными группами, а те, кто идентифицирует себя с ближайшим в социальном пространстве кругом людей, а именно с соседями, оценивая при этом свой жизненный уровень ниже, чем уровень жизни этой группы. Анализ по социально-демографическим характеристикам показал, что такие референтные точки, как “соседи” и “прошлое”, чаще выбирали люди с начальным образованием, более старшего возраста, работники сельского хозяйства, а на качество и стиль жизни европейцев ориентировались преимущественно хорошо образованные и молодежь.

Следует отметить, что ориентация на более отдаленную в социальном пространстве группу, к которой индивид не принадлежит, часто оказывается следствием не столько завышенных ожиданий, сколько более широкого кругозора человека. То, что одни люди сравнивают свои достижения с достижениями среднестатистического гражданина европейской страны, и подобное сравнение оказывает в дальнейшем влияние на их социальное самочувствие, является производным от уровня осведомленности человека и сформированности его представлений об уровне и качестве жизни в Европе, от его “жизненного горизонта”. Ориентация на более высокие стандарты и оценка собственного уровня жизни как более низкого, чем у представителей обозначенной референтной группы, не является обязательным свидетельством более низких показателей удовлетворенности жизнью вследствие данного сравнения. Более высокие ожидания не обязательно приводят к психологическому дискомфорту и часто коррелируют с хорошим самочувствием, что преимущественно касается людей, позитивно оценивающих собственные возможности и перспективы [Погорелая, 2007: с. 159–160, 163].

На основании полученной информации об удовлетворенности респондентов своей жизнью по сравнению с другими людьми можно не только формулировать выводы о социальном самочувствии людей как зависящем от того социального пространства, в котором они взаимодействуют, но и оценивать качество этого социального пространства человека. Таким образом, качественную характеристику субъектов и объектов сравнения можно осуществлять на трех уровнях:

- а) характеристика состояния определенной социальной группы (сравнение типа: “Я” — “другой представитель той же группы”);

- б) характеристика качества жизни внутри страны (сравнение типа: “Я” — “другие граждане Украины”);
- в) характеристика качества общества в целом (сравнение типа: “Я” — “граждане других стран”).

В первом случае мы получаем качественные характеристики различных социальных групп непосредственно от представителей этих групп. Такая информация кристаллизуется в результате наложения определенных сформированных в сознании стереотипных представлений о других людях и собственных представлений о себе. Кроме того, знание о социальном самочувствии разных социальных групп (то есть информацию, полученную исследователями в процессе статистического анализа показателей социального самочувствия, например разных социально-демографических групп) можно также дополнить, обогатить фиксацией представлений опрашиваемых об удовлетворенности жизнью большинства представителей той или иной социальной группы.

Иной уровень социального сравнения, а именно сравнение себя с другими гражданами страны, будет свидетельствовать о качестве жизни в стране с точки зрения ее граждан. Такое социальное сравнение предполагает наличие представлений о том, как живет большинство украинцев, каков их уровень жизни (что свидетельствует, в частности, об эффективности власти), а также понимание своего места в обществе, удовлетворенность собственным социальным статусом. На этом уровне также следует узнать, насколько сильно влияет на социальное самочувствие людей существующее в обществе социальное неравенство, особенно неравенство в доступе к материальным и властным ресурсам, поскольку имеется гипотеза, согласно которой сравнение с богатыми согражданами или с людьми, имеющими доступ к властным ресурсам, снижает показатели социального самочувствия большей части населения.

Сопоставление с гражданами более экономически развитых стран и стран, культурно или территориально близких к Украине, будет способствовать не только углубленному пониманию факторов влияния на социальное самочувствие населения, но и продемонстрирует, насколько украинцы удовлетворены/не удовлетворены своей жизнью по сравнению, скажем, с поляками, русскими или немцами, что будет характеризовать субъективное ощущение гражданами Украины подобного “разрыва”. И если этой “разрыв” по оценкам людей является большим и не в пользу граждан Украины, это будет свидетельствовать, в первую очередь, об определенных проблемах в украинском обществе.

Важным результатом исследования социального самочувствия людей на основе изучения их социального пространства является возможность “увидеть” это пространство глазами разных социальных групп, проанализировать, насколько сильно оно влияет на них, ведут ли изменения в нем к изменениям в эмоционально-оценочном отношении членов общества к собственной жизни и своему месту в обществе.

Собственно в контексте вопроса о влиянии социальных изменений на ощущение людьми удовлетворенности своим социальным положением в обществе перейдем от рассмотрения социального самочувствия людей путем исследования их социального пространства (скажем так, в горизонталь-

ном измерении) к изучению данного феномена в координатах социального времени (в вертикальном измерении).

Исследование субъективного восприятия социального времени приобретает особое значение в нестабильном, переходном обществе, которое резко изменяет свой “образ” и становится неузнаваемым, непривычным для широких масс людей, которые, будучи адаптированными к предыдущим условиям, вынуждены приспосабливаться в данное время к новым реалиям. Непонимание процессов, происходящих на уровне как социальной, так и субъективной реальности, порождает множество проблем и неточностей при объяснении и дальнейших попытках эффективного управления сложившейся ситуацией. В своем эссе Н.Наумова подчеркивает: “Множество трудностей и провалы социального управления возникают здесь из-за непонимания, незнания состояния субъективного времени и ритма жизни населения, “человеческого”, мотивационно-ценностного содержания тех временных программ, которыми оперирует это управление. Эпидемии депрессий и самоубийств, отвращение к власти и социальная нестабильность во многом связаны с тем, что реформаторы и реформируемые живут в разном субъективном времени. Они по-разному переживают не только настоящее, но и прошлое и будущее” [Наумова, 1997: с. 168].

Выяснение механизмов влияния прошлого, настоящего и ожидаемого будущего на социальное самочувствие людей — нелегкая задача даже в стабильных социальных условиях, не говоря уже о значении фактора времени в механизмах формирования и функционирования социального самочувствия людей в периоды общественных трансформаций, тем более при отсутствии общности даже во взглядах на то, как соотносятся прошлое, настоящее и будущее, то есть какова собственно модель социального времени. В целостной временной перспективе прошлое, настоящее и будущее могут быть представлены в разных соотношениях, причем доминирование того или иного может зависеть от типа культуры или социальной ситуации, сложившейся в обществе.

Социальное время как изменение социальных явлений и состояний, по мнению некоторых исследователей, можно описывать с использованием различных моделей, среди которых наиболее распространенными являются: линейная, циклическая, точечная и фазовая [Давыдов, 1998: с. 99]. В линейной модели время течет непрерывно от прошлого к настоящему, а затем — к будущему. В циклической модели “течение” времени постоянно повторяется, образуя замкнутый круг “прошлое — настоящее — будущее”, где время последовательно и непрерывно бежит в одном направлении: от прошлого к будущему и потом — снова к прошлому. В модели точечного времени существует лишь одно измерение времени — настоящее, в котором взаимосвязаны прошлое настоящего и настоящее будущего. В фазовой модели время состоит из относительно независимых временных фаз: прошлого, настоящего и будущего.

Вопрос о том, какая из моделей социального времени более всего отвечает украинским реалиям, имеет важное теоретическое и практическое значения при исследовании социального самочувствия как всего населения, так и отдельных социальных групп. Сложность выбора модели объясняется природой социального времени, в котором заложены как объективные составляющие, то есть процессы, закономерно происходящие и не зависящие

непосредственно от людей, разве что на институциональном уровне (власть, партии, общественные организации и т.п.), так и субъективные — оценки, переживания этих событий людьми. Субъективное измерение социального времени имеет важное значение, особенно в контексте исследования социального самочувствия. Даже продолжительность естественного и социального времени может по-разному восприниматься субъектами в зависимости от типа личности или разнообразных жизненных обстоятельств. Так, для одних произошедшие изменения оцениваются в плане появления новых возможностей, перспектив, а для других — это угроза их образу жизни, системе ценностей. Таким образом, социологический подход при изучении социального самочувствия людей в пространственно-временных координатах позволяет типизировать разные социальные группы по их отношению к прошлому, настоящему и будущему, поскольку “различные слои общества обычно пребывают в разном социальном времени” [Горяинов, 2006: с. 15].

В контексте нашего исследования интересны выводы, сделанные А. Давыдовым при построении модели социального времени с использованием вопросов, касавшихся удовлетворенности людей своей жизнью в течение разных отрезков времени. Он проанализировал ответы 486 респондентов (представителей молодежи Волгоградской области в России), которые оценивали свою удовлетворенность жизнью год назад, на данный момент и ожидаемую удовлетворенность год спустя с использованием 9-балльной шкалы (где 1 — совсем неудовлетворен, 9 — полностью удовлетворен). Полученные результаты указывают на то, что социальное время в оценках респондентов “течет” от будущего через настоящее к прошлому, то есть его направленность обратная. При этом доминирующая роль во взаимодействии прошлого, настоящего и будущего принадлежит именно будущему. Сильнее всего связаны оценки настоящей и будущей удовлетворенности жизнью (коэффициент Крамера 0,46), в меньшей степени — настоящей и прошлой удовлетворенности жизнью (коэффициент Крамера 0,43) и менее всего — прошлой и будущей удовлетворенности жизнью (коэффициент Крамера 0,38). При этом Давыдов отмечает, что прошлую удовлетворенность жизнью лучше определять по настоящей, а настоящую — по будущей удовлетворенности жизнью [Давыдов, 1998: с. 99].

Эти выводы имеют важное теоретическое значение, поскольку очерчивают подход, на основании которого можно на более глубоком уровне, на уровне сознания человека, через его субъективное восприятие времени, оценку собственной жизни в разные периоды социального времени выявлять внутренние детерминанты такого показателя, как удовлетворенность жизнью.

Однако следует отметить, что поскольку респондентами в упомянутом исследовании были молодые люди, то и полученные результаты, очевидно, более характерны именно для этой социальной группы. Важность ожиданий, видение будущей перспективы имеют существенное значение в жизни молодого человека, в значительной мере определяя его социальное самочувствие, поэтому именно такая направленность “стрелы времени” вполне может пригодиться для описания данной демографической группы, но будет приобретать противоположное значение для людей старшего возраста. Молодые люди еще не имеют столь значимого опыта для сравнения с происходящими в их жизни изменениями, поскольку для них “настоящее время —

это магистраль в будущее”, а не “дорога, которая тянется из прошлого”, как для старшего поколения [Злобина, 1996: с. 32].

В отечественных условиях необходимо выяснить, в каком субъективном времени живет большинство населения Украины: обращаются ли люди при оценке собственной жизни преимущественно к своим прежним достижениям, которые играют доминирующую роль в социальном самочувствии украинцев, или же люди все-таки живут нынешним днем, не учитывая прежних достижений и не выдвигая целей на будущее (такое состояние часто называется термином “презентизм” и наблюдается, в частности, в обществах, в которых вследствие затяжных кризисных ситуаций люди потеряли веру в собственные силы и возможности, и вместе с тем особых прежних достижений при этом не наблюдается, то есть ни прошлое, ни будущее не является опорой для их социального самочувствия); или же социальное самочувствие украинцев в первую очередь формируется с оглядкой на будущее, то есть предполагает видение будущих перспектив или, напротив, их отсутствие.

Чтобы глубже понять, как люди чувствуют себя в обществе сегодня, следует не только анализировать актуальные оценки социального самочувствия, но и спрашивать о том, каким оно было в прошлом и какой респонденты видят свою жизнь в будущем.

Относительно того, какой отрезок времени выбрать, предлагая респонденту оценить социальное самочувствие в прошлом и в ожидаемом будущем, нужно руководствоваться задачами, стоящими перед исследователем. Для примера, период 1–2 года — это непродолжительное время, которое достаточно легко воспроизводится в памяти людей, и дать его оценку можно без лишних усилий, если речь идет о векторе в направлении прошлого. Однако если для характеристики социального самочувствия в прошлом такой отрезок времени является информативным, то с вектором в будущее могут возникнуть проблемы. Пытаясь обнаружить те будущие ожидания, которые являются опорой для социального самочувствия в настоящем, мы получим скорее информацию рационального характера, базирующуюся на оценках реальности реализации конкретных задач, планов, целей личности, то есть информацию о “краткосрочных жизненных проектах”, связанных с отрезком в один–два года [Кривошеев, 2009: с. 57–67]. Поэтому здесь речь пойдет о тактической перспективе отдельных индивидов на ближайшее время. Напротив, если брать период 10 и более лет, то это хотя и будет отражать стратегическую перспективу, но также будет находиться под ощутимым влиянием факторов биографического характера. Вопрос о том, какой была 10 лет назад и какой будет через 10 лет жизнь респондента, в основном ориентирован на информацию о различных этапах жизненного цикла опрошенных, что, опять-таки, будет возвращать нас к биографической составляющей. Такая информация может оказаться гораздо полезнее, если исследователя интересует характеристика социального самочувствия и восприятия собственной жизни разными возрастными группами, разными поколениями.

Пятилетние отрезки времени, с одной стороны, не представляют сложности для воспроизводства в памяти, а с другой — выходят за рамки сугубо индивидуальных достижений и ожиданий, охватывают информацию из внешней среды, то есть данные о социальных условиях, влияющих на социальное самочувствие людей в обществе. Разумеется, выбор того или иного отрезка времени при изучении социального самочувствия в субъективном

времени людей требует проведения отдельного исследования, но для реализации поставленной автором сейчас цели, заключающейся в построении теоретической модели такого исследования, “путешествие во времени” на 5 лет назад и на 5 лет вперед является хотя и условно выбранным, однако довольно удобным временным параметром для анализа возможных вариантов развития ситуации.

Обобщенно социальное самочувствие людей в субъективном времени, то есть в координатах “прошлое–настоящее–будущее” (восприятие социального прошлого, настоящего и будущего) можно представить в виде нескольких моделей. Рассмотрим их ниже.

а) Восходящая модель социального самочувствия (оптимистическая)

В данной модели оценка социального самочувствия респондента в будущем выше, чем текущая оценка. При этом свое прошлое самочувствие респондент оценивает ниже настоящего.

Люди, которым свойственна такая модель социального самочувствия, видят позитивную динамику, развитие в своей жизни, они в основном удовлетворены своей жизнью, а если и не удовлетворены (то есть социальное самочувствие на данное время ниже среднего), то имеют основания ожидать улучшения своей жизни в ближайшем будущем. Подобная позиция даже в условиях несколько сниженных показателей актуального социального самочувствия дает основания предположить, что люди, которым присуща эта модель, обладают внутренним ресурсом для улучшения своей жизни в будущем, а также, вероятнее всего, ожидают качественных перемен к лучшему как в своей жизни, так и в обществе в целом.

б) Нисходящая модель социального самочувствия (пессимистическая)

В этой модели оценка социального самочувствия респондента в будущем ниже текущей. При этом свое прошлое самочувствие респондент оценивает выше, чем нынешнее.

Эта модель социального самочувствия свидетельствует о пессимизме в оценках своей жизни, о более позитивном восприятии своих прежних достижений, о доминировании ностальгических настроений, которые, возможно, и являются причиной заниженного актуального социального самочувствия и даже отсутствия видения перспективы в будущем. Или, наоборот, негативные ожидания приводят к идеализации прошлого человеком, что не позволяет ему в полной мере получать удовлетворение от жизни в конкретное время (несмотря, к примеру, на вполне нормальный, с точки зрения объективных показателей, уровень жизни). Пессимистическая модель социального самочувствия дает возможность еще в условиях более или менее нормальных актуальных показателей социального самочувствия выявить группы риска, то есть тех людей, которые могут уже “завтра” оказаться недовольными своим социальным положением, своей жизнью. Если такая модель (как, в принципе, и “восходяще-нисходящая”) присуща не просто отдельным социальным группам (например, старшему поколению или государственным служащим, что может свидетельствовать о психологических или экономических причинах такого соотношения между достижениями и ожиданиями внутри этих групп), но и большинству людей в обществе, то это тревожный знак для власти, показатель ее неэффективности, сигнал о необходимости изменений в процессе управления страной.

в) Стабильная модель социального самочувствия

Оценки социального самочувствия респондентом одинаковы в текущий период, на будущее и относительно прошлого с точностью до допустимой погрешности.

Эта модель социального самочувствия, несмотря на свое название, в котором основной акцент сосредоточен на параметре стабильности, как никакая другая из предыдущих, требует выяснения качественного наполнения прошлого, настоящего и будущего в оценках людьми своего социального самочувствия, то есть речь идет о том, как именно — стабильно хорошо или стабильно плохо — люди оценивают собственную жизнь. Если стабильно хорошо, то это свидетельствует о соответствии ожиданий и достижений человека, хотя это может не слишком положительно характеризовать деятельность составляющую самочувствия человека, свидетельствовать о его недостаточной активности или определенной остановке на данном отрезке жизни. Если же показатели социального самочувствия в субъективном времени индивидов стабильно плохие, то можно говорить о том, что постоянное ощущение социальной депривации (или социальной эксклюзии) в той или иной социальной группе свидетельствует не только о тяжелом социальном положении, но и о плохом психологическом состоянии. Эти социальные группы в первую очередь требуют внимания со стороны власти и общества, поскольку распространение таких явлений служит признаком определенных ошибок в социальном управлении и может представлять угрозу как для власть имущих (забастовки, митинги и т.п.), так и для всего населения (рост преступности, распространение девиантных форм поведения, назревание и углубление социальных конфликтов и т.п.).

г) Восходяще-нисходящая модель социального самочувствия

Оценка социального самочувствия респондентом в текущий момент выше, чем оценка прошлого, тогда как оценка будущего ниже текущей.

д) Нисходяще-восходящая модель социального самочувствия

Оценка социального самочувствия респондентом в текущий момент ниже, чем в отношении прошлого, при этом оценка в отношении будущего выше текущей.

В этой (д) и предыдущей (г) моделях, прежде чем приступать к объяснению причин высокого или низкого уровня социального самочувствия, необходимо выяснить, как именно соотносятся субъективное прошлое, настоящее и будущее, возможно, такой индивид живет только сегодняшним днем, то есть для него характерна точковая или фазовая модель социального времени. Возможно также, что на социальное самочувствие этого человека влияет исключительно его прошлый опыт или только будущие ожидания. Понять причины, на первый взгляд, временной неустойчивости субъективных оценок можно будет при детальном рассмотрении социально-демографических характеристик людей, вошедших в данную группу, и возможных кардинальных изменений в социальном времени. В любом случае поиск ответов на вопрос о причинах позитивных оценок своей жизни несмотря на негативное восприятие собственного прошлого и бесперспективность будущего (модель (г)) или негативного самоощущения людей на фоне позитивных ожиданий и положительных оценок прошлого (модель (д)) поможет нам глубже понять, как люди чувствуют себя в обществе, какого рода факто-

ры (психологического, социально-экономического, социально-политического или культурного) и в какой мере определяют его социальное самочувствие, особенно в условиях нестабильности в стране.

Актуальность исследования социального самочувствия людей не только с позиции теории потребностей, то есть понимания социального самочувствия как результата удовлетворенности набором материальных и нематериальных благ, но и на основе теории относительной депривации, при которой самочувствие людей в обществе является результатом их социальных сравнений, обусловлена наличием как объективных, так и субъективных, внутренних стандартов качества жизни. Предложенный в статье подход к исследованию социального самочувствия в координатах социального пространства и времени человека согласуется с депривационным подходом, признанным наиболее желательным в условиях социальных трансформаций и призванным расширить знания об этом сложном социальном феномене, найти те стандарты, в сопоставлении с которыми люди ощущают себя более или менее удовлетворенными своей жизнью и социальным положением в обществе. Такой подход предполагает ряд шагов:

- исследование актуальных оценок социального самочувствия;
- изучение субъективных сравнительных представлений индивида о собственном социальном самочувствии и самочувствии других людей (представителей тех групп, к которым он принадлежит, и тех, к которым он не принадлежит, но имеет основания для сравнения);
- выяснение субъективной оценки индивидом собственного социального самочувствия в прошлом и прогнозируемом будущем.

Рассматривая социальное самочувствие личности в единстве пространственно-временных характеристик, нужно учитывать, что «социальное время не существует вне социального пространства и наоборот» [Рекорд, 2006: с. 139]. Когда мы говорим о социальной реальности и при этом анализируем то, как чувствуем себя в ее рамках разные социальные субъекты, то имеем в виду многомерное социальное пространство. Наряду с объективными социальными условиями на социальное самочувствие субъекта существенно влияет и то, в какой точке пересечения всех этих пространственно-временных влияний он находится, как он оценивает себя в социальном пространстве и социальном времени.

Среди возможностей, открывающихся перед исследователем в случае изучения социального самочувствия на основе выяснения особенностей его формирования и функционирования в субъективном пространстве и времени человека, автор отмечает, в частности, следующие:

- проверка применимости теории относительной депривации для Украины;
- возможность отслеживать тенденции социальных трансформаций по субъективным оценкам людьми своего социального самочувствия в координатах пространства и времени;
- определение направленности «стрелы времени» как для всего населения, так и для отдельных социальных групп;
- прогнозирование показателей социального самочувствия в будущем для разных социальных групп в зависимости от направления «стрелы времени» в оценках их жизни;
- группировка людей с одинаковыми пространственными и временными моделями социального самочувствия;

- познание не только субъекта социального сравнения и его социального самочувствия, но и объекта такого сопоставления (то есть тех социальных групп, с которыми сравнивает себя индивид);
- сопоставление динамики актуальных оценок социального самочувствия по годам с оценками социального самочувствия в субъективном прошлом и будущем людей;
- отслеживание межгрупповых отношений в обществе в координатах социального пространства человека.

Предложенный подход к исследованию социального самочувствия в координатах субъективного пространства и времени индивидов должен способствовать более глубокому исследованию процессов, происходящих на уровне сознания людей и влияющих на их самочувствие в обществе.

Источники

Аргайл М. Психология счастья / Майкл Аргайл. — 2-е изд. — СПб. : Питер, 2003. — 272 с.

Горяинов В.П. Критерии поступательности, обратимости, стагнации и предсказуемости социального времени / В.П. Горяинов // Социологические исследования. — 2006. — № 4. — С. 3–16.

Давыдов А.А. Модель социального времени / А.А. Давыдов // Социологические исследования. — 1998. — № 4. — С. 98–101.

Зборовский Г.Е. Социальная ностальгия: к исследованию феномена / Г.Е. Зборовский, Е.А. Широкова // Социологические исследования. — 2001. — № 8. — С. 31–34.

Злобина О. Особистість сьогодні: адаптація до суспільної нестабільності / О. Злобина, В. Тихонович. — К. : Інститут соціології НАН України, 1996. — 98 с.

Кривошеев В.В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе / В.В. Кривошеев // Социологические исследования. — 2009. — № 3. — С. 57–67.

Наумова Н.Ф. Время человека / Н.Ф. Наумова // Социологический журнал. — 1997. — № 3. — С. 159–176.

Ослон А. Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги “Общественное мнение” / А. Ослон // Социальная реальность. Журнал социологических наблюдений и сообщений. — 2006. — № 4. — С. 125–141.

Погорелая Н. Объективные и субъективные факторы психологического благополучия (Польша, Венгрия, Грузия, Украина) / Наталия Погорелая, Татьяна Диева // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2007. — № 1. — С. 151–166.

Рекорд И.Г. Социальное время / И.Г. Рекорд // Социологические исследования. — 2006. — № 7. — С. 137–140.

Соболева Н.І. Соціологія суб'єктивної реальності / Н.І. Соболева. — К. : Інститут соціології НАН України, 2002. — 296 с.

Якимова Е.В. Социальное сравнение как объект социально-психологического анализа (Реферативный обзор) / Е.В. Якимова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. отдела социологии и социальной психологии. Серия 11: Социальная психология. — М., 2009. — № 3. — С. 107–130.

Veenhoven R. Sociological theories of subjective wellbeing [Electronic resource] / Rut Veenhoven // The Science of Subjective Wellbeing: A tribute to Ed Diener'. — N. Y. : Guilford Publications, 2008. — Access mode : <http://publishing.eur.nl/ir/repub/asset/14879/2008c-full.pdf>.